

И.И. Болотина, А.А. Лаврикова

СОВРЕМЕННЫЕ ФОРМЫ УЧАСТИЯ ГРАЖДАН В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ ЕВРОПЕЙСКИХ ГОСУДАРСТВ

Аннотация. В последние десятилетия состояние институтов репрезентативной демократии во многих государствах Европы характеризуется как кризисное. Об этом свидетельствуют падение уровня доверия к институтам выборов и политическим партиям, уменьшение значимости парламентских структур на фоне усиления исполнительной власти. В современных научных и публицистических работах все чаще подвергается сомнению адекватность принципов демократии внутреннему устройству обществ (прежде всего, западных).

Как показывает опыт, многие государства, относящиеся к разряду демократических, стремятся сформировать единые системы принятия и реализации авторитетных решений, обязательных для исполнения всеми. Эти структуры носят вертикальный характер, а их решения навязываются как отдельным гражданам, так и группам граждан. Кроме того, постоянно изменяются характеристики социума, и вектор этих трансформаций отнюдь не способствует развитию демократии.

Вместе с тем взаимодействие политических элит без активного привлечения сил и поддержки рядовых граждан чревато снижением эффективности функционирования механизма согласования и обеспечения баланса интересов государства, общества и личности, что ставит на повестку дня вопрос о респонсивности власти и стабильности политических систем в целом. Подтверждением этого являются следующие события в европейских странах: референдум для поддержания сецессии в Шотландии (2014) и Каталонии (2017), выступления против мигрантов в Германии (2018), акции протеста «желтых жилетов» во Франции (2018) и др.

Таким образом, актуализируется проблема поиска новых форматов политического участия, причем не столько с точки зрения роста массовости, сколько с позиции обеспечения его качества. Ответ на поставленный вопрос во многом зависит от определения основных тенденций развития пространства политического участия как в национальном (локальном) контексте, так и в региональном (в нашем случае европейском).

Ключевые слова: политическое участие; политические практики; распределение социальных благ; кризис демократических институтов; центробежные тенденции политического развития; центростремительные тенденции политического развития.

Лаврикова Анастасия Александровна – кандидат политических наук,
заместитель директора Института гуманитарных
и социальных наук, доцент кафедры социологии и политологии
(Тульский государственный университет), Тула.
E-mail: elav@mail.ru

Болотина Инна Ивановна – аспирант кафедры социологии
и политологии (Тульский государственный университет), Тула.
E-mail: innok1706@mail.ru

I.I. Bolotina, A.A. Lavrikova. Modern Trends in Citizens' Participation in the Political Life of European Countries

***Abstract.** In recent decades, the state of institutions of representative democracy in many European countries is often characterized as a deepening crisis. This manifests itself in a drop in the level of people's trust in electoral institutions and political parties, a decrease in the importance of parliamentary structures, this unfolding against the background of strengthening of the executive branch of political systems. As a result, in modern political science and journalism, the adequacy of the basic principles of democracy to the internal structure of societies (first of all, the Western ones) is increasingly being questioned.*

Experience has shown that many states belonging to the category of democracies strive to form uniformed systems for the adoption and implementation of authoritative decisions binding on all. These structures are vertical in nature, and their decisions are imposed on both individual citizens and groups of citizens. Besides, the characteristics of society are constantly changing, and the vector of these transformations does not necessarily contribute to the development of democracy.

Thus it can be argued that interactions between elites without involvement of ordinary citizens in the political processes is fraught with a decreasing efficiency of political systems and never provides a proper balance of interests between the state, society and individuals. Such events in the European countries as the referendum favoring secession of Scotland (2014) and Catalonia (2017), reactions against migrants in Germany (2018) and the «yellow vests» movement in France (2018–2019) are the best evidence of that.

The problem of defining new formats for political participation is therefore becoming ever more important, not so much in terms of numbers of citizens involved as in terms of quality, the main task being identification of the basic trends of political participation both at the national (local) and regional (in our case European) levels.

***Keywords:** political participation; political practices; the distribution of social benefits; the crisis of democratic institutions; centrifugal tendencies of political development; centripetal tendencies of political development.*

Lavrikova Anastasia Aleksandrovna – Candidate of Political Sciences,
Deputy Director of the Institute of Humanities
and Social Sciences, Associate Professor of the Department
of Sociology and Political Science (Tula State University), Tula.
E-mail: elav@mail.ru

**Bolotina Inna Ivanovna – Postgraduate Student,
Department of Sociology and Political Science
(Tula State University), Tula. E-mail: innok1706@mail.ru**

Исследование специфики политического участия в межстрановом ракурсе представляется непростой задачей, что во многом обусловлено фрагментарностью изучения этого феномена. Довольно большой массив информации нуждается в упорядочении и сведении ее к умоглядной модели, которую условно можно обозначить политической ареной. Однако выстраивание таких моделей возможно при выявлении узловых причин, побуждающих социально-политические сегменты ориентироваться на определенный вид политического участия.

Эмпирической основой работы послужили материалы проекта «Европейское социальное исследование» (исследовательские волны за 2012, 2014 и 2016 гг.). Данный мониторинг представляет интерес не только в связи с большим страновым охватом, но и благодаря процедуре организации: базовый модуль вопросов, методов построения выборки, сбора и обработки данных остается неизменным, что в совокупности облегчает задачу изучения тех или иных тенденций развития различных политических процессов, в том числе и связанных с политическим участием. В качестве значимых тематических блоков мы обозначили следующие: «Интерес к политике, политическая компетентность» и «Политическое участие и политические предпочтения». В связи с тем, что количество стран – участниц исследования колеблется от 25 до 30, а общее число опрошенных составляет более 14 тыс. человек, анализ столь большого массива данных предполагает особый набор статистических методов обработки информации – процедур факторного, кластерного и индексологического анализа данных.

Первый метод обладает большим эвристическим потенциалом при ответе на вопрос о том, что лежит в основе выбора субъектом конкретной практики политического участия. Так, опросник «Европейского социального исследования» содержал указание на такие составляющие репертуара политического участия как: «подписание петиций, обращений и открытых писем», «ношение или вывешивание символики политической, социальной или иной акции», «принятие участия в работе общественной организации», «отказ от покупки или потребления товаров, чтобы выразить свой протест», «публикация и распространение в Интернете материалов о политике», «обращение к конкретному политику, общенациональным или местным органам власти», «оказание помощи в работе политической партии, группы, движения», «принятие участия в разрешенных демонстрациях». Все перечисленные выше позиции представлены в инструментарии как однопорядковые, однако очевидна их дифференциация по параметрам «ресурсообеспеченности», «анонимности» или «реши-

мости открыто заявлять о своей позиции», «ориентации на политические институты», «приверженности идеологии» и т.д. Факторный анализ из общего перечня оснований позволил выбрать наиболее «нагруженные», оказывающие решающее влияние на выбор траектории политического участия (процедура проведения осуществлялась при использовании метода главных компонент).

Стоит отметить, что проведение факторного анализа реализовывалось с использованием двух типов вращений. Метод варимакс является базовым, он позволяет уменьшить число переменных с высокими нагрузками на каждый фактор. На втором этапе в качестве эксперимента был применен метод квартимакс, который действует в обратном направлении: минимизирует число факторов, необходимых для объяснения каждой переменной. Комбинация этих методов вращений приводит к осуществлению двух исследовательских задач: сначала мы отбираем переменные, которые сильнее всего коррелируют друг с другом, затем определяем факторы найденной зависимости, а в заключение – вычленим из найденных факторов наиболее весомые.

Факторный анализ позволяет найти узловые элементы, объясняющие взаимозависимость переменных «практика политического участия» и «субъект политического участия». Однако возможности анализа ограничены при выявлении групп населения, которые склонны подвергаться воздействию какого-либо фактора, а значит – отдавать предпочтение определенному варианту политического участия. Решение вопроса представляется возможным при комплексном применении факторного и кластерного анализов.

В начале исследования было выдвинуто несколько научных предположений, связанных со взаимозависимостью репертуара политического участия с уровнем дохода и уровнем образования, а также влиянием нескольких факторов на специфику проявления политического участия в национальном контексте. Метод кластерного анализа позволил выстроить некое гомогенное «социальное подмножество» индивидов: в нашем случае такими подмножествами стали социальные группы, разделяемые по признакам «страна проживания», «уровень дохода», «уровень образования». Далее проводилась оценка востребованности среди выделенных сегментов различных групп политических практик.

Для составления динамических рядов и выделения тенденций развития пространства политического участия использовался расчет индексов как разность суммы положительных ответов на соответствующие вопросы инструментария к отрицательным. Например, для расчета индексологического значения участия в различных политических практиках использовалось распределение ответов на вопрос: «Принимали участие в...?» (индекс определялся как разница положительных («да») и отрицательных («нет») ответов).

Комплексное использование указанных процедур позволило выявить существующие в европейских социумах тенденции развития пространства политического участия, тем более что сама проблема вовлечения населения

в политический процесс является актуальной не только для российского и других трансформирующихся обществ, но и для стран Европы, относящихся к числу «старых» демократий.

Обратимся к полученным выводам. При рассмотрении вопроса мы исходили из следующих тезисов. Во-первых, общее направление тенденции развития политического участия определяется равнодействующими различных траекторий непрофессиональной деятельности граждан, реализуемых в конкретном национальном контексте, индикатором чего является состояние и взаимодействие представленных в социуме арен политического участия, как относительно автономных областей, в рамках которых объединены специфические политические практики (и соответствующие им нормы поведения) и происходят основные взаимодействия (кооперация / конкуренция) субъектов. Во-вторых, наличие собственной ритмики (повторяемости) у ряда политических практик позволяет им выступать в качестве системообразующих при возникновении / институционализации арен политического участия, а высокий уровень цикличности обеспечивает их влияние на функционирование и альтернативные арены. В-третьих, о высоком риске возникновения конфликтов в пространстве политического участия свидетельствует: а) отсутствие комплементарности в воспроизводстве арен политического участия / политических практик в рамках одной арены; б) невостребованность существующих арен политического участия, особенно на фоне возникновения новых политических практик; в) несоответствие в оценках внутренней и внешней результативности политического участия.

Индексологический анализ материалов мониторинга показал, что основу репертуара политического участия во всех странах Европы составляет электоральная компонента: участие в голосовании выступает самой востребованной политической практикой (средний индекс электорального участия в 2016 г. составил 50,4), в то время как в другие форматы политических действий включено ограниченное число граждан (все индексологические показатели имеют отрицательные значения).

Вместе с тем имеет место некоторая национальная специфика в характеристиках электорального участия. Так, наиболее устойчивые и объемные сегменты граждан, вовлеченных в электоральный процесс, сложились в Бельгии (И = 72) и Швеции (И = 82), несколько меньше число голосующих в остальных странах Северной Европы и Германии (показатели индекса колеблются от 60 до 70). Самые низкие индексологические значения явки на выборы наблюдались в 2016 г. в Эстонии (И = 13), в 2016 г. в Чехии (И = 14) и России (И = 11), кроме того, показатели в последних двух странах весьма нестабильны, отражают нисходящий тренд в динамике и во многом зависят от контекста электорального процесса (начиная от уровня выборов и заканчивая актуальной политической ситуацией), что свидетельствует о некоторых

сложностях в функционировании электоральной арены политического участия, связанных с сосуществованием в указанных национальных сообществах двух приблизительно равных сегментов – «голосующих» и «абсентеистов», – демонстрирующих принципиально отличающиеся друг от друга поведенческие модели. В то же время даже в указанных случаях электоральная практика в целом типизирована и относится к массовым.

Обращает также на себя внимание, что во всех европейских странах наименее популярными выступают такие форматы, как участие в разрешенных демонстрациях и работа в составе политической партии / группы / движения, а востребованность остальных неэлекторальных практик значительно отличается в зависимости от региона: в целом на них в большей степени ориентируются граждане Скандинавских стран, Германии, Великобритании, в меньшей – посткоммунистических стран.

Для конкретизации полученных выводов была применена процедура факторного анализа данных мониторинга, позволившая выявить три фактора, определяющих дифференциацию пространства неэлекторального политического участия на самостоятельные арены взаимодействия, с присущими им относительной замкнутостью и способностью преломлять все внешние воздействия в соответствии со своей спецификой, наличием собственного репертуара политических практик и требованиями к его ресурсообеспеченности.

Согласно графической интерпретации данных, первый фактор – личное неформализованное участие – обладает наиболее выраженным влиянием, формируя самый объемный и устойчивый кластер людей, ориентированных на такие политические практики, как подписание петиций / обращений / открытых писем, отказ от потребления каких-либо товаров для обозначения своей политической позиции, публикация / ретрансляция политической информации в Интернете (табл. 1).

Таблица 1

**СТРУКТУРА АРЕН ПОЛИТИЧЕСКОГО УЧАСТИЯ:
ПОВЕРНУТАЯ МАТРИЦА КОМПОНЕНТОВ**

<i>Вид политической практики</i>	<i>Фактор</i>		
	<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>
Отказ от потребления каких-либо товаров для обозначения своей политической позиции	√		
Подписание петиций / обращений / открытых писем	√		
Публикация / ретрансляция политической информации в Интернете	√		
Обращение к конкретным политикам / в местные органы власти		√	
Работа в общественной организации		√	
Работа в составе политической партии / группы / движения			√
Использование политической символики			√
Участие в разрешенных демонстрациях			√

Функционирование данной арены характеризуется достаточно слабой вовлеченностью граждан в политический процесс (весьма близкая к зрительской позиции), потребностью в минимальной ресурсообеспеченности, относительной анонимностью включения, что и обеспечивает ее восприятие как типичной, и значительными по сравнению с альтернативными аренами «масштабами использования». В рамках данного пространства наибольшим «удельным весом» среди остальных политических практик обладает подписание петиций / обращений / открытых писем, что позволило ряду исследователей назвать эту арену петиционной. Но нам представляется целесообразным обозначить ее как декларационную, так как основной целью всех интеракций в рамках представленной системы взаимодействий является выражение своего мнения, которое зачастую носит краткосрочный / акционный характер. При этом представители различных социальных групп, вне зависимости от уровня образования и дохода, с одинаковой активностью включаются в ее функционирование. Усложнение данной арены политического участия может происходить за счет различной природы используемых практик (обращаясь к ним, граждане могут исходить из принципов и универсализма, и примордиализма, и клиентизма или инструментализма), что свидетельствует о ее потенциальной конфликтности. Вместе с тем влияние фактора настолько сильно, что позволяет объединять разные форматы политических действий: коллективные и индивидуальные, просоциальные и асоциальные, институциональные и неинституциональные.

Влияние второго фактора – личное формализованное участие – менее значимо, однако сформированная им арена также носит устойчивый характер. В арену включены две практики (обращение к конкретным политикам / в местные органы власти и работа в общественной организации (табл. 1), преимущественно направленные на решение локальных проблем (как частного, так и коллективного характера). Данную арену отличает более высокий уровень институционализации по сравнению с предыдущей, выражающийся в присутствии структурного компонента, наличии определенной системы правил, норм и возможных санкций (формальных и / или неформальных), регулирующих механизм обращения (и соответственно отклика) во властные структуры и процесс функционирования общественных организаций, относительной устойчивости форм взаимодействия между участниками интеракции. Примечательно также, что представленные политические практики обладают примерно равным «удельным весом», что не позволяет выделить среди них системообразующую. Как и в случае с декларационной ареной вовлеченность граждан в данное пространство напрямую не зависит от уровня их образования и дохода, однако, как правило, лица, относящие себя к высокодоходным группам, находятся на периферии данного кластера.

Третий фактор, который мы обозначили как личное участие в деятельности политических партий (имеется в виду, что объединяемые им политические практики – работа в составе политической партии / группы / движения, использование политической символики, участие в разрешенных демонстрациях (табл. 1) – так или иначе связаны с деятельностью партий), скорее оказывает обратное влияние на формирование кластера: невключенность в подобного рода варианты политических действий и определяет рамки арены, существующей скорее в потенциальном, а не реальном состоянии (за исключением ряда случаев, о чем будет сказано позже). Возможно, ограничивающими условиями включения населения в данное пространство выступают: 1) самый высокий уровень формализации взаимодействий (что обуславливает закрытость данной системы); 2) ярко выраженная политическая направленность (принимая во внимание периферийное положение политики в ценностной системе массовых групп); 3) отсроченная во времени результативность. Однако данная арена является наиболее интегрированной по характеру воспроизводимых практик, что позволяет определять ее даже в ситуации латентности.

Функционирование выделенных арен типично для всех стран Европы за исключением государств, представляющих регион Северной Европы и примкнувшей к ним Германии, что отмечено в таблицах ниже. Показатели представляют собой подмножество граждан (кластер). Полужирным шрифтом отмечена степень выраженности того или иного фактора в государстве, а вместе с ним – величина кластера граждан, склоняющихся к соответствующему типу политического участия. Так, если в большинстве случаев влияние факторов, формирующих декларационный и локальный кластеры, определяется как сильное, то в Германии, Финляндии, Нидерландах, Норвегии, Швеции, Исландии оно отсутствует (табл. 2, 3).

Таблица 2

**СФОРМИРОВАННОСТЬ ДЕКЛАРАЦИОННОЙ АРЕНЫ
ПОЛИТИЧЕСКОГО УЧАСТИЯ (Влияние фактора 1:
Личное неформализованное участие)**

<i>Страна</i>	<i>Отсутствует</i>	<i>Слабое</i>	<i>Сильное</i>	<i>Очень сильное</i>
1	2	3	4	5
Австрия	507	361	929	187
Бельгия	391	433	794	144
Швейцария	534	299	600	78
Германия	1142	731	839	123
Эстония	220	284	1314	197
Финляндия	831	453	457	173
Франция	745	358	866	90
Великобритания	610	430	823	84

РОССИЯ И МИР В XXI ВЕКЕ

1	2	3	4	5
Ирландия	429	486	1517	296
Нидерланды	418	529	616	105
Норвегия	541	423	352	213
Польша	121	174	1275	111
Российская Федерация	101	234	1893	156
Швеция	816	356	268	69
Словения	195	243	755	83
Израиль	314	311	1684	239
Чешская Республика	355	293	1496	102
Исландия	456	222	114	76

Таблица 3

СФОРМИРОВАННОСТЬ ЛОКАЛЬНОЙ АРЕНЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО УЧАСТИЯ (Влияние фактора 2: Личное формализованное участие)

Страна	Отсутствует	Слабое	Сильное	Очень сильное
Австрия	550	44	929	461
Бельгия	481	42	794	445
Швейцария	396	28	600	487
Германия	948	106	839	942
Эстония	344	18	1314	339
Финляндия	836	60	457	561
Франция	365	79	866	749
Великобритания	380	38	823	706
Ирландия	626	71	1517	514
Нидерланды	698	20	616	334
Норвегия	632	68	352	477
Польша	184	12	1275	210
Российская Федерация	223	24	1893	244
Швеция	625	80	268	536
Словения	280	11	755	230
Израиль	373	55	1684	436
Чешская Республика	297	29	1496	424
Исландия	382	69	114	303

Ситуация с партийной ареной выглядит противоположным образом: в основном массиве она является латентной, и только в Германии, Финляндии, Нидерландах и Швеции – реальной (табл. 4).

Таблица 4

**СФОРМИРОВАННОСТЬ ПАРТИЙНОЙ АРЕНЫ
ПОЛИТИЧЕСКОГО УЧАСТИЯ (Влияние фактора 3:
Деятельность в рамках политической партии)**

<i>Страна</i>	<i>Отсутствует</i>	<i>Слабое</i>	<i>Сильное</i>	<i>Очень сильное</i>
Австрия	361	929	90	604
Бельгия	402	794	102	464
Швейцария	266	600	126	519
Германия	655	839	238	1103
Эстония	301	1314	75	325
Финляндия	531	457	122	804
Франция	508	866	105	580
Великобритания	463	823	212	449
Ирландия	523	1517	119	569
Нидерланды	233	616	162	657
Норвегия	687	352	84	406
Польша	200	1275	58	148
Российская Федерация	288	1893	68	135
Швеция	470	268	100	671
Словения	150	755	72	299
Израиль	449	1684	49	366
Чешская Республика	355	1496	69	326
Исландия	431	114	50	273

Выявленные межстрановые различия в сложившемся пространстве политического участия во многом объясняются спецификой национального (в нашем случае регионального) политического контекста. Отличительная черта Скандинавских стран и Германии – высокая степень институционализации политических отношений, проявляющаяся в том числе и в тесной связи корпораций с партиями, партий с профсоюзами, что обеспечивает значительное влияние этих структур на функционирование политической системы. Кроме того, существование общественного сектора в сфере распределения, за которым стояло государство, обуславливает ориентацию на коллективизм и национальное государство, руководствующееся принципами демократии и справедливости при решении национальных задач, в частности при распределении социальных благ. И хотя с конца XX в. растет значение индивидуализма, что связано как с процессами глобализации, европейской интеграции и усиления влияния западноевропейской культуры, так и с внутренними процессами индивидуализации труда, с новыми информационными технологиями, декорпоративизацией представительства организованных интересов в политике [Северная Европа 2008]. Результаты кросс-культурных исследований по-прежнему свидетельствуют, что в странах Северной Европы и Германии население демонстрирует более высокий уровень членства в политических

организациях, удовлетворенности демократией, доверия к политикам и явки на выборы.

Вместе с тем в рассматриваемых государствах особые сложности в последние десятилетия испытывает участие на уровне комьюнити, что стало результатом как объективного усложнения решаемых на местах политических задач и укрупнения коммун (позволившего, с одной стороны, экономически их усилить и повысить профессионализм администрации, а с другой – приведшего к росту бюрократизма и сокращению возможностей влияния граждан на принятие местных решений), так и европейской интеграции, которая влечет за собой смещение центров власти с локального на наднациональный уровень. Указанные процессы привели к фрагментаризации коммунальной деятельности и широкому распространению убеждения о неэффективности усилий рядовых политиков при отсутствии связей с политической элитой, что сказывается на скептицизме в отношении арен политического участия, связанных с решением локальных задач и декларацией своих позиций.

Сравнительный анализ функционирования выявленных в ходе кластеризации трех арен политического участия (декларационной, локальной и партийной) позволил прийти к выводу о значимости политических / гражданских структур в процессе воспроизводства и взаимодействия между этими системами. Подтвердить и конкретизировать это утверждение можно путем кластеризации данных обследования на основе метода главных компонентов. Согласно полученным результатам, организационный аспект (посредством существующих политических или гражданских институтов / вне существующих политических или гражданских институтов) выступает базовым критерием для типизации политических практик, нивелирующим их неоднородность (а иногда и конфликтность) в силу различий по субъектам, целям, нормативной обеспеченности, отношению в политической системе и т.д. и обеспечивающим их интеграцию. Показательно, что и в этом случае регион Северной Европы и Германия отличаются от остальных стран, демонстрируя выделенную тенденцию ориентации на институционализированную политику. При этом следует обратить внимание, что проведенный анализ еще раз подтвердил исключительность функционирования электоральной арены: участие / неучастие в выборах во всех рассматриваемых странах не зависит от критерия структурности.

Значимость выявленных закономерностей была подтверждена и в ходе изучения кейса «всплеска» протестной активности в европейских государствах в конце 2018 г. с точки зрения влияния политических / гражданских структур на его возникновение. Речь идет о масштабной акции «желтых жилетов» (ноябрь-декабрь 2018 г.), выступающих против повышения стоимости на бензин и особенно на дизель, вызванного решением французского правительства по введению «экологического налога» [Добров 2018]. Показательно, что

отмеченная взаимосвязь таких политических практик, как подписание петиций и участие в демонстрациях подтвердилась динамикой протестного взаимодействия, когда отправной точкой развития событийного ряда стал сбор подписей под интернет-петицией автомобилиста из департамента Сана и Марна с требованием снизить цены на топливо [Запольскис 2018]. В свою очередь о слабом влиянии фактора структурности свидетельствует то, что в отличие от масштабных политических действий предыдущего периода акции «желтых жилетов», пример спонтанного низового (grassroots) движения, были инициированы не профсоюзами и оппозиционными (левыми – Жан-Люк Меланшон или правыми – Марин Ле Пен) партиями, а отдельными гражданами (в частности, Присциллия Людовски, Эрик Друэ). Число участников конфликтного взаимодействия росло, в том числе за счет работников медицинской отрасли и студентов. Протестная акция достаточно быстро достигла кульминационной точки и сопровождалась трансформацией предмета конфликта с проблемы стоимости топлива на недовольство социальной политикой государства, направленной на частичный демонтаж системы социальной защиты, и личностью президента Эмманюэля Макрона. По словам руководителя Центра французских исследований Института Европы РАН Ю. Рубинского, «в этих условиях значительная часть людей почувствовали себя маргинализированными, выброшенными... и сами манеры президента, человека образованного, воспринимались как высокомерие, как принадлежность к либерально-глобализированной верхушке, т.е. не свой человек, а человек, который навязывает людям, без учета их интересов, программу, плодов которой они не видят» [Шимаев, Чурсина 2018].

Однако эскалация протестных настроений в другие страны сопровождалась изменением параметров протеста под влиянием партийной арены. Так, в соседней Германии, в большей степени, ориентированной на институционализированное политическое участие, в процесс активно включились оппозиционные политические структуры, где правые взяли на вооружение идеи и символику протестов, направив их против мигрантов, а левые выразили солидарность «желтым жилетам» в борьбе с крупным капиталом.

В то же время вне зависимости от страны акции, при всей своей неортодоксальной направленности, продемонстрировали тесную зависимость от воспроизводства электоральных практик: во Франции одним из основных требований «желтых жилетов» практически сразу стали досрочные выборы в Национальное собрание и отставка Э. Макрона, а в Бельгии на основе идей французских протестантов готовятся сформировать партию к предстоящим в 2019 г. выборам в Европарламент.

В целом можно сделать следующий вывод. Во всех европейских государствах доминирует электоральная арена, наряду с которой существуют уступающие ей по объему декларационная, локальная и партийная, отличающиеся

друг от друга как принципами систематизации взаимоотношений между участниками интеракций, так и степенью развития. В то же время в конфигурации пространства политического участия разных стран можно выделить и определенную специфику. Так, в большинстве рассматриваемых государств (в том числе и России) наблюдается тенденция к ориентации на неформальные политические практики, в то время как в значительной части стран Скандинавского региона и Германии институционализируемая политика по-прежнему сохраняет свои позиции, хотя и там есть признаки кризиса партийно-политической системы (например, в ФРГ одним из проявлений кризиса стали успехи на земельных выборах антисистемной антииммигрантской партии «Альтернатива для Германии» (АдГ) и сокращение электоральной поддержки традиционных политических грандов – СДПГ и ХДС).

Первый из выделенных трендов связан с проявлением центробежных сил, второй – центростремительных. Однако было бы неверным в первом случае, характерном для значительного числа европейских государств, говорить о развитии дезинтеграционных проявлений политического участия, а во втором о преобладании интеграционных. Дело в том, что, согласно концепции «изменения и преемственности» Д. Розенау, политика является «вихревым» или «турбулентным» движением – потоком, в котором переплетаются состояния порядка и изменения, сочетаются функции воспроизводства «старых» элементов вместе с процессами инноваций и перемен. В свою очередь стабильность политической системы предполагает достижение баланса между устойчивостью, связанной с сохранением и воспроизводством «правил игры» в течение длительного времени (а значит институционализированным политическим участием, выступающим в качестве надындивидуального образования, относительно инвариантного по отношению к индивидам и устойчивого перед специфическими предпочтениями и ожиданиями индивидов, а также перед меняющимися внешними условиями) [March, Olsen 2008] и способностью адекватно реагировать на изменения окружающей среды (т.е. неортодоксальным политическим участием, которое по своей сути является инклюзивным, так как «создает новые формы, способы и каналы политического участия» [Патрушев 2009] и потенциально может определять возможности реализации прав для широких категорий граждан, в том числе и тех, кто ранее по тем или иным причинам не был включен в политический процесс).

Принимая во внимание, что центробежные и центростремительные силы формируются единой системой детерминант непрофессиональной политической деятельности, следует отметить, что актуализация той или иной тенденции обусловлена, прежде всего, различной степенью эффективности регулирования объективных и организационных факторов конфликтогенности в разных регионах Европы, в то время как сила и нюансы ее проявления скорее связаны с социально-психологическими и личностными факторами. Так,

центробежный тренд в пространстве политического участия, наблюдаемый везде, кроме Скандинавских стран и Германии, свидетельствует, прежде всего, о существовании запроса на обновление традиционных элит (как правило, тем или иным образом, дискредитировавших себя) за счет включения в их состав представителей структур гражданского общества, отдельных социальных групп. Удовлетворение указанных ожиданий граждан будет способствовать не только реализации инклюзивных принципов в политической сфере, но и расширению интеграционного потенциала вначале на микроуровнях и мезоуровнях (в ракурсе отдельных коллективов, социальных групп и сообществ) при успешном преодолении факторов субъективного характера, а возможно, и на макроуровне (с позиции стабилизации нового варианта политического порядка) при урегулировании объективных аспектов и, как следствие, усилению центростремительного тренда. Однако перспективы такого согласования интересов во многом зависят от конфигурации арен политического участия: в случаях, когда наряду с электоральной ареной функционируют и другие (декларационная, локальная и / или партийная) вероятность гораздо выше, так как они создают зону умеренной и стабильной гравитации. В то же время, исходя из результатов кросс-национальных исследований, наибольшие сложности в типизации неэлекторальных политических практик различной направленности испытывают многие европейские страны, что и приводит к деструктивным проявлениям политического участия.

Библиография

Добров Д. Восстание «желтых жилетов» – сигнал Западу и миру // МИА «Россия сегодня». 2018. 7 дек. URL: <https://inosmi.ru/social/20181207/244185083.html> (Дата обращения: 05.06.2019.)

Запольскис А. Европа: гражданская война на пороге // Regnum. 2018. 9 дек. URL: <https://regnum.ru/news/2534237.html> (Дата обращения: 23.04.2019.)

Патрушев С.В. Гражданская активность: институциональный подход (перспективы исследования) // Полис. 2009. № 6. С. 24–32.

Северная Европа. Регион нового развития. М.: Весь Мир, 2008. 512 с.

Шимаев Р., Чурсина М. «Кризис небывалого масштаба»: во Франции задержано рекордное число участников протестов «желтых жилетов» // Russia Today. 2018. 12 дек. URL: <https://ru.rt.com/cgez> (Дата обращения 23.04.2019.)

March J.G., Olsen J.P. Elaborating the «New Institutionalism» // The Oxford handbook of political institutions. Oxford, 2008. Vol. 1. P. 1–19.

References

Dobrov D. The uprising of the «yellow vests» – a signal to the West and the world. MIA «Russia Today». 2018. 7 Dec. URL: <https://inosmi.ru/social/20181207/244185083.html> (Date of access: 05.06.2019.) (In Russ.)

March J.G., Olsen J.P. Elaborating the «New Institutionalism». The Oxford handbook of political institutions. Oxford, 2008. Vol. 1. P. 1–19. (In Russ.)

Northern Europe. Region of New Development. Ed. Yu.S. Deryabin, N.M. Antyushina. Moscow: Wes Mir, 2008. 512 p. (In Russ.)

Patrushev S.V. Civic activism: an institutional approach (research prospects). Policy. 2009. No. 6. P. 24–32. (In Russ.)

Shimaev R., Chursina M. The «crisis of unprecedented scale»: a record number of participants in the «yellow vests» protests were detained in France. Russia Today. 2018. 12 Dec. URL: <https://ru.rt.com/cgez> (Date of access: 23.04.2019.) (In Russ.)

Zapolskis A. Europe: civil war on the verge. Regnum. 2018. 9 Dec. URL: <https://regnum.ru/news/2534237.html> (Date of access: 23.04.2019.) (In Russ.)